

Источник: ChatGTP

Конкуренция систем: финансовый империализм против реальной экономики для людей

Холодная война между системами казалась завершённой. Но это лишь иллюзия. Появилось новое соперничество систем, куда более опасное для западной неоколониалистской системы.

Андреас Милеус

втр 08 июл 2025

Введение

Попытка создать мировую финансовую империю является **саморазрушительной** — в военном, экономическом и политическом плане. Она делает уже существующий раскол между ориентированным на США неолиберальным порядком и глобальным

большинством необратимым — как по моральным причинам, так и из соображений простого самосохранения и экономических интересов.

В то время как западный финансовый империализм с колониалистским уклоном постоянно деиндустриализируется и за счёт всё большей финансовизации экономики постепенно разрушает оставшиеся элементы реального сектора, в экономическом пространстве стран БРИКС — прежде всего в России и Китае — учитываются интересы собственных народов, и уровень жизни там неуклонно растёт. На Западе же население всё больше погружается в бедность и нищету. Сегодняшняя обстановка во многих уголках США сравнима с тем, что когда-то происходило в развивающихся странах Южной Америки или Африки. В противоположность этому в постоянно интегрирующейся Евразии и ассоциированных странах буквально возникают «цветущие пейзажи».

Паразитическая финансово-империалистическая экономическая система неокOLONиализма и ориентированная на реальный сектор, кооперативная экономика «на равных» находятся в непримиримом противостоянии. Исход этой неравной борьбы между двумя системами уже предсказуем.

Парадигмы классического нелиберализма в Соединенных Штатах

В послевоенное время в центре экономической политики США по-прежнему находился реальный сектор, служивший на благо собственного населения. Компании инвестировали прибыли в оборудование, рабочие места и новые продукты, а банки выдавали кредиты на строительство фабрик и реализацию инфраструктурных проектов. Государство обеспечивало рамочные условия для функционирования экономики: оно отвечало за надёжную инфраструктуру и эффективную систему образования. Обеспечение базовых потребностей граждан было задачей государства, а общество несло ответственность за здравоохранение и пенсионное обеспечение. В то время ещё действовали парадигмы классического нелиберализма.

Этот термин появился в 1930-х годах, в частности, в кругах Вальтера Липпмана, Фридриха Августа фон Хайека и так называемого Монт-Пелеринского общества (основанного в 1947 году). В то время он означал новую интерпретацию классического либерализма: государство должно защищать рынок, но не управлять экономикой самостоятельно. В этой системе банки играли в основном вспомогательную роль, поддерживая рост реальной экономики как основы качества жизни людей. Биржевые курсы также имели прямое отношение к реальной экономике, поскольку они сигнализировали об ожидаемых доходах промышленных предприятий и доверии инвесторов к ним, тем самым направляя накопление капитала в сторону роста производства для снабжения населения и экспорта.

В XX веке США были крупнейшей индустриальной державой мира. От «Ржавого пояса» до Кремниевой долины экономику страны определяли тяжелая промышленность, автомобилестроение и высокотехнологичное производство. Царила «американская мечта». Каждый человек, независимо от происхождения, класса или обстоятельств, имел возможность благодаря упорному труду, усердию и собственным достижениям добиться социального роста, материального благополучия и личной свободы.

В то время основное внимание уделялось реальной экономике. Однако уже до этого в финансовых кругах существовали влиятельные силы, финансовая концепция которых заключалась в интеграции сырьевых ресурсов, финансовых потоков и производства знаний в комплексную долгосрочную систему с целью управления глобальным влиянием. В связи с этим стоит изучить историю семьи Рокфеллеров.

Финансово-экономическая ориентация США: неолиберализм в духе Рейгана и Тэтчер.

С 1970-х/1980-х годов термин «неолиберализм» приобрел новое значение в связи с экономическими программами Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер.

США и Великобритания, как придаток США, в то время еще считали себя сильными индустриальными странами. Поэтому они сделали ставку на сокращение государственного вмешательства в экономику и продвижение свободных рынков в качестве основной движущей силы для дальнейшего роста. Были значительно ослаблены регулирующие меры в отношении предприятий, финансовых рынков и рынков труда. Налоги для предприятий и состоятельных граждан были значительно снижены. Их растущее богатство должно было привести к ускорению экономического роста и, как следствие, к материальному благополучию среднего класса и трудящихся. Говорили о «эффекте просачивания». Государственные предприятия были переданы частным инвесторам, а государство отказалось от обеспечения социальных нужд населения.

В то же время все большая часть экономической деятельности сосредоточилась на финансовых операциях, спекуляции и торговле финансовыми продуктами. Эти финансовые операции зачастую не имели прямого отношения к производству товаров и услуг. Появились новые финансовые продукты (деривативы, хедж-фонды, сложные облигации), которые обещали быструю прибыль без обратной связи с реальной экономикой. Вместо того чтобы инвестировать в новые заводы, компании выкупали свои собственные акции (выкуп акций), чтобы искусственно создать видимость растущего спроса на эти акции и таким образом поднять их курс, а также обслужить акционеров и топ-менеджеров, чьи бонусы зависели именно от курса акций. Ценность для акционеров стала руководящим принципом.

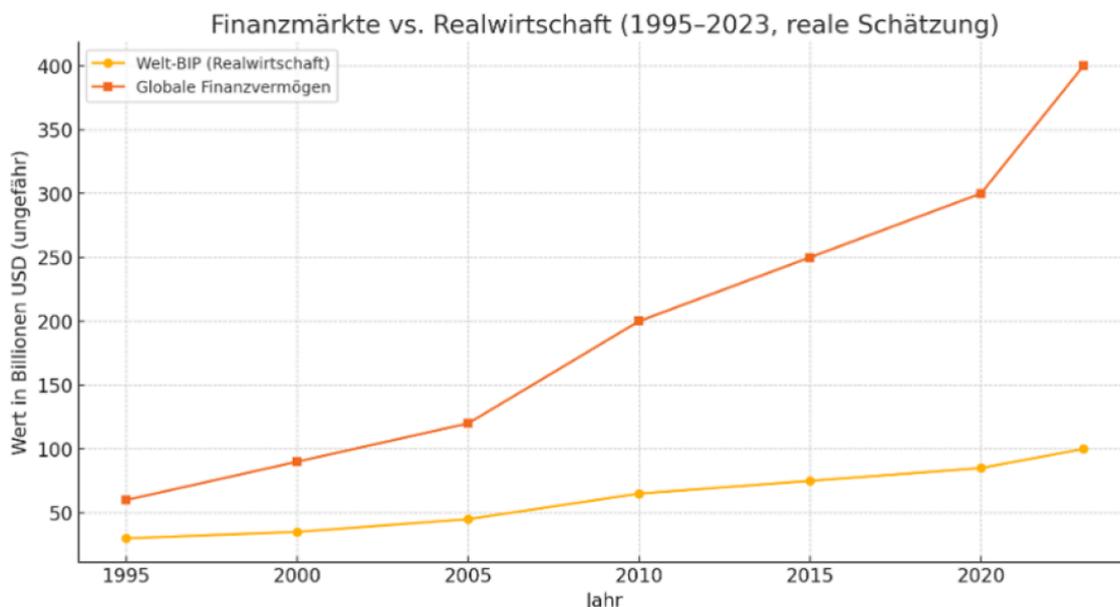
Многие руководства компаний оптимизировали краткосрочные биржевые оценки за счет долгосрочной промышленной субстанции. Создание рабочих мест не было приоритетной целью — напротив: чем меньше затраты на персонал, тем выше краткосрочная прибыль владельцев капитала. Офшоринг и аутсорсинг перенесли рабочие места туда, где заработная плата в то время была еще ниже — сначала в Мексику, а затем преимущественно в Азию.

В то время как Уолл-стрит процветала, промышленные регионы пришли в упадок. Многие промышленные предприятия были закрыты или перенесены за границу. Достаточно взглянуть на Детройт, штат Мичиган, ранее известный как центр автомобильной промышленности США (Motor City), Кливленд, штат Огайо, ранее являвшийся оплотом сталелитейной и машиностроительной промышленности, или Питтсбург, штат Пенсильвания, ранее бывший центром сталелитейной промышленности США, чтобы увидеть печальную картину деиндустриализации и обнищания.

В то же время прибыль финансового сектора выросла. Сегодня реальная экономика (производство материальных благ) в США составляет **все меньшую долю ВВП**, а американское население, особенно средний класс, беднеет.

Сегодня финансовые рынки, прежде всего в США, но также и в других западных странах, в значительной степени отделились от своей первоначальной цели — реальной экономики. Деньги больше не «работают» продуктивно, а в основном циркулируют с целью получения еще большего количества денег за счет стабильных рабочих мест и устойчивого развития. В настоящее время оборот мировых финансовых рынков в разы превышает размер реальной мировой экономики.

Нижеприведенная реалистичная диаграмма с приблизительными оценками отражает сложившуюся ситуацию. Мировой ВВП вырос с примерно 30 трлн долларов США (1995 г.) до примерно 100 трлн долларов США (2023 г.). За тот же период глобальные финансовые активы (включая акции, облигации, деривативы и т. д.) выросли примерно в четыре раза и значительно превышают мировой ВВП. Этот разрыв между созданием реальной стоимости в экономике и активностью на финансовых рынках соответствует постоянно ускоряющейся тенденции в западной экономической системе.

Источник: Андреас Милеус

В то же время эта картина, конечно, показывает и одну из причин продолжающейся девальвации денег. Финансовая экономика растет за счет спекуляций, расширения кредитования и увеличения денежной массы гораздо быстрее, чем реальная экономика. В результате больше денег поступает в финансовые продукты, не создавая соответствующей добавленной стоимости в реальной экономике. Это увеличение денежной массы, не обеспеченное реальными товарами и услугами, напрямую приводит к соответствующей девальвации денег.

Котировки акций на Западе растут без перерыва — но не потому, что рынки позитивно оценивают будущие прибыли и доверяют соответствующим промышленным компаниям, а лишь потому, что те, кто в финансовой системе кажется разбогатевшим, не знают, куда ещё деть деньги, скопившиеся на их счетах. Менеджеры хедж-фондов лишаются сна. По здравому смыслу этот пузырь когда-нибудь обязан лопнуть — только никто не знает, когда именно. «Последнего кусают собаки»: все надеются, что не окажутся последними и действуют по принципу «глаза закрыть да проскочить».

Вашингтонский консенсус: финансовый империализм равнозначен финансовому колониализму

Для установления этой финансово-ориентированной экономической системы во всем мире были использованы институты, созданные США в Бреттон-Вудсе. Во всем мире действовал «Вашингтонский консенсус». Этот термин был введен в 1989 году британским экономистом Джоном Уильямсоном. Он использовал его для описания «консенсуса» институтов, расположенных в Вашингтоне, округ Колумбия, в частности Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного

банка и Министерства финансов США. Эти институты ставили свои «рекомендации» в области экономической политики условием для предоставления кредитов или списания долгов.

Страны, нуждавшиеся в кредитах этих институтов, были вынуждены ввести так называемую фискальную дисциплину. Это означало сокращение бюджетного дефицита и государственных расходов, что особенно коснулось сферы государственных услуг. Страны были вынуждены согласиться на либерализацию процентных ставок, которые устанавливались Федеральной резервной системой и иногда резко повышались в одночасье. В качестве обеспечения кредитов были либо сразу переданы, либо, по крайней мере, заложены природные ресурсы, сельскохозяйственная продукция и рабочая сила соответствующих экономик. Это называлось либерализацией торговли и устранением барьеров доступа на рынок и других торговых барьеров, либерализацией прямых инвестиций и открытостью для иностранного капитала. Задолжавшие страны должны были якобы быть «приведены в соответствие с рыночной экономикой», что включало в себя введение так называемых «конкурентоспособных» обменных курсов для их валют.

В принципе речь шла о финансово-колониальной системе, которая должна была перекачивать богатства мира на Запад и лишать соответствующие народы возможности пользоваться своими собственными человеческими и материальными ресурсами.

Сказка о конце истории

Для «победителей» холодной войны с конца 1980-х годов, казалось, наступали светлые времена. Говорили о **конце истории** (Фрэнсис Фукуяма). С победой либерализма и западной «демократии» был достигнут «конечный пункт идеологической эволюции человечества». Больше не было фундаментальных альтернатив либерально-демократической системе — «великие истории» идеологий (фашизм, коммунизм) остались в прошлом.

До тех пор, пока существовал Советский Союз и Китай действительно стремился стать коммунистическим, этот восточный блок был в значительной степени оторван от финансовой политики Запада, и Запад не имел реального доступа к его экономической мощи. Теперь все должно было измениться. Финансовый империализм почувствовал ветер перемен.

После распада Советского Союза, вызванного действиями его собственного правительства, биполярный мировой порядок временно сменился однополярным, в котором доминирующей силой были США (Китай, хотя и был на пути

экономического и военного подъема, еще не был равноценным противником). После 1991 года многие бывшие социалистические страны провели рыночные реформы, и Запад попытался закрепиться в них.

Однако после частично очень болезненного процесса трансформации Российская Федерация создала собственную экономическую модель, которая бросает вызов американской финансовой империи. Китай также успешно провел серьезные выгодные изменения в своей собственной экономической модели.

Альтернативное развитие в Российской Федерации

После распада Советского Союза в конце 1991 года Россия стояла перед задачей преобразования и модернизации своей централизованной, государственно управляемой плановой экономики в систему с элементами рыночной экономики.

Правительство президента Бориса Ельцина и его советники Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и другие, такие как Гарвардский институт международного развития (НИИД), сделали ставку на настоящую «шоковую терапию» с радикальной и быстрой перестройкой, которую они эвфемистически назвали «либерализацией». Конечно, МВФ и Всемирный банк также сыграли свою обычную роль в рамках Вашингтонского консенсуса. С января 1992 года были отменены большинство государственных цен, что привело к гиперинфляции. Большинство государственных предприятий были приватизированы, часто с помощью так называемых ваучерных программ. Население (государственные предприятия в СССР были народной собственностью) получило ваучеры, которые во многих случаях были скуплены по смешным ценам, частично преступными олигархическими кланами (часто в кредит).

Эта шоковая терапия рыночной экономики имела глубоко разрушительные последствия. В 1990-е годы экономическая активность резко сократилась, множество предприятий обанкротилось. Началась гиперинфляция (в 1992 году уровень инфляции превысил 2000%, сбережения населения обесценились). Безработица, нищета, падение продолжительности жизни, коррупция и преступность выросли до беспрецедентных масштабов. Несколько игроков скупили за бесценок гигантские государственные предприятия — нефть, газ, сырьевые ресурсы — и стали баснословно богатыми. К 1998 году государство фактически оказалось банкротом, рубль был резко девальвирован. Попытки стабилизации экономики целенаправленно саботировались США, Западом и его институтами.

С 2000-х годов правительство под руководством президента Путина постепенно стабилизировало страну. Постепенно было восстановлено верховное право. Политическая власть олигархов была значительно ограничена. Государство вернула

себе часть стратегически важных секторов (прежде всего энергетику), а экономика начала расти благодаря собственной модели, радикально отличающейся от западной неолиберальной. Борьба с этническими мафиозными кланами продолжается до сих пор, о чем свидетельствуют недавние события 27 июня 2025 года в Екатеринбурге.

После того как Крым вошел в состав Российской Федерации и конфликт в Восточной Украине обострился, в 2014 году западные страны ввели экономические санкции против России, которые были значительно расширены в 2022 году после начала российской военной операции в Украине. С тех пор Россия успешно реагирует на санкции, принимая обширные меры по их замещению. Здесь также решающим фактором является то, что, как и в Китае, доминирует реальная экономика, а финансовые элементы играют лишь второстепенную роль.

Развитие в Китае

Системные изменения в Китае часто описывают формулой «социализм с китайской спецификой». Это означает, что с конца 1970-х годов Китай интегрировал в свою коммунистическую систему определенные элементы рыночной экономики, не отказываясь при этом от политической системы.

Когда в 1976 году умер Мао Цзэдун, Китай был экономически отсталым и политически и социально сильно расшатанным в результате Культурной революции (1966–1976). С 1978 года под руководством Дэн Сяопина началась прагматичная политика реформ («реформирование и открытость»). Идеологическая ориентация больше не была для Дэн Сяопина единственной приоритетной задачей, он был больше заинтересован в экономическом развитии и борьбе с бедностью в стране. Он сформулировал девиз: «Неважно, черная кошка или белая — главное, чтобы мышей ловила».

Система коллективизации сельского хозяйства была постепенно отменена. Сельскохозяйственное производство в значительной степени было передано в ведение фермеров. Им было разрешено вновь вести самостоятельное хозяйство и продавать излишки продукции. В 1980 году появились первые особые экономические зоны (например, Шэньчжэнь) с иностранными инвестициями, налоговыми льготами и ориентацией на экспорт. Постепенно были разрешены частные предприятия, сначала в сфере малого и среднего бизнеса, а затем и в промышленности и сфере услуг. Цены были отпущены, появилась конкуренция, проведена реформа государственных предприятий.

Сегодня Китай официально называет свою систему «социалистической рыночной экономикой». Она сочетает государственный контроль над определенными ключевыми отраслями (например, энергетика, банковское дело, тяжелая промышленность) с рыночными силами в остальных секторах экономики (частные предприятия, иностранный капитал, экспорт) и сильной ролью Коммунистической партии, которая контролирует все политические решения.

С начала реформ Китай превратился из бедной аграрной страны во вторую по величине экономику мира. Сотни миллионов людей вышли из нищеты. Китай стал «мастерской мира».

С момента прихода к власти Си Цзиньпина в 2013 году наблюдаются признаки частичного возвращения к более жесткому государственному контролю. Технологические гиганты, такие как Alibaba и Tencent, подвергаются более строгому регулированию, а коррупция активно пресекается. Лозунг «Общее процветание» призван сдерживать чрезмерное обогащение. В то же время интеграция всего Евразийского региона стимулируется с помощью грандиозных инфраструктурных проектов («Новый шелковый путь»), что создает новые торговые пути и возможности.

Китай не является классической рыночной экономикой, как западные страны, но и не является более чисто плановой экономикой (об этом очень интересно читать в книге Дэвида Даокуи Ли «Мировоззрение Китая, развенчание мифов о Китае для предотвращения глобального конфликта.», W. W. Norton & Company, 2024). Из-за отсутствия более подходящих западных терминов эту систему часто называют государственным капитализмом или рыночной экономикой под государственным управлением. Решающим фактором является то, что Китай проводит промышленную политику, в центре которой стоит создание сильной реальной экономики. Ее основу составляют государственное планирование, целевые инвестиции, передача технологий и расширение промышленных цепочек создания добавленной стоимости. Цель — повышение уровня жизни всего населения страны.

Чисто финансовые факторы, как и в России, практически не оказывают влияния. Китай использует банки и государственные концерны в качестве инструментов промышленной политики. Крупные инфраструктурные проекты финансируются за счет государственных кредитов, а не частных хедж-фондов. Таким образом, Китай может реализовывать долгосрочные проекты, которые в краткосрочной перспективе не обязательно будут рентабельными, такие как строительство высокоскоростных железнодорожных линий или обеспечение стратегических запасов сырья.

Это государственное регулирование распределения капитала позволяет создавать производственные мощности, которые значительно превышают текущие потребности рынка, но с перспективой удовлетворения соответствующего мирового спроса в будущем. Примерами могут служить не только солнечная энергетика, электромобили или производство полупроводников.

Немецкий экономист как пионер альтернативной экономической системы

Немецкий экономист Фридрих Лист (1789–1846) и его книга «Национальная система политической экономии» 1841 года высоко ценятся в России и Китае.

Российские мыслители и экономисты постоянно ссылаются на теорию Листа. Даже если не переоценивать значение Александра Дугина для современной российской политики, его размышления на эту тему показывают, как мыслят определенные круги в России. [Дугин подчеркивает](#), что Лист выступал за протекционизм с целью поддержки национальной промышленности. Это соответствует видению Дугина «многополярной» или «евразийской» модели, направленной против однополярной либерально-капиталистической глобализации. Помимо Дугина, на него ссылаются также Сергей Глазьев (например, в книге «Глобальный кризис. Что делать» [Москва, 2011], где Глазьев упоминает Листа наряду с Гамильтоном и другими ранними сторонниками протекционизма), Юрий Крупнов и авторы из окружения Российской академии наук.

То же самое можно сказать и о Китае. Например, [Джастин Ифу Лин](#), бывший главный экономист Всемирного банка, неоднократно называл Листа важнейшим источником для модернизации Китая, в частности в своей книге «Загадка Нидхема: почему промышленная революция не началась в Китае» (Lin, 1995). Там Лин приводит Листа в качестве примера стратегии развития. Фридрих Лист упоминается и в академических исследованиях (Zhang Pei, «The Relevance of Friedrich List's Theory in China's Economic Development», *Review of Political Economy* (2021); Bai Gao: *Economic Ideology and Japanese Industrial Policy: Developmentalism from 1931 to 1965*). Этот классический труд сравнивает, как Япония, а затем и Китай переняли идеи Листа.

Лист критиковал доминировавшую в то время идею свободного торговли, которую отстаивали Адам Смит и Дэвид Рикардо, как невыгодную для всех стран в равной степени. Он утверждал, что свободная торговля хороша только для сильно развитых промышленных стран, в то время как менее развитые страны не могут выдержать конкуренции с более развитыми промышленными странами. Ему было важно защитить национальную экономику на этапе становления, и он говорил о защитных пошлинах (Infant Industry Protection). Молодые, развивающиеся отрасли должны были временно защищаться от иностранной конкуренции с помощью защитных

пошлин и других государственных мер. После успешной индустриализации пошлины можно было бы снова снизить и вступить в режим свободной торговли. Целью было достижение самостоятельности, экономической мощи и независимости страны для повышения уровня жизни в ней. Лист разработал эту идею как противовес тогдашнему британскому господству. В то время Великобритания была лидером промышленности и извлекала выгоду из свободной торговли, в то время как мелкие германские государства все еще были аграрными.

Теории Листа были сформулированы за несколько десятилетий до образования Германского империи, но оказали влияние на многих политиков и экономистов более позднего периода. Политика протекционизма Бисмарка (с 1879 г.) считается воплощением принципов Листа: защита немецкой промышленности от британской конкуренции.

Реальная экономическая ориентация Китая и России

Таким образом, Россия и Китай проводят стратегию, в значительной степени ориентированную на промышленную политику. В ее основе лежит рост за счет создания реальной добавленной стоимости, то есть путем развития сильной промышленности и достижения положительного сальдо экспорта. Основное внимание уделяется инфраструктуре, технологическим компетенциям, энергоснабжению и стратегической политике в области сырьевых ресурсов. Помимо повышения качества жизни населения, целью является обеспечение экономической независимости страны.

Государство играет здесь, как предлагал Фридрих Лист, центральную роль. Многолетние экономические планы определяют приоритеты. Стратегические отрасли, такие как машиностроение, электроника или возобновляемые источники энергии, получают целевую поддержку в виде субсидий, льготных кредитов и налоговых льгот.

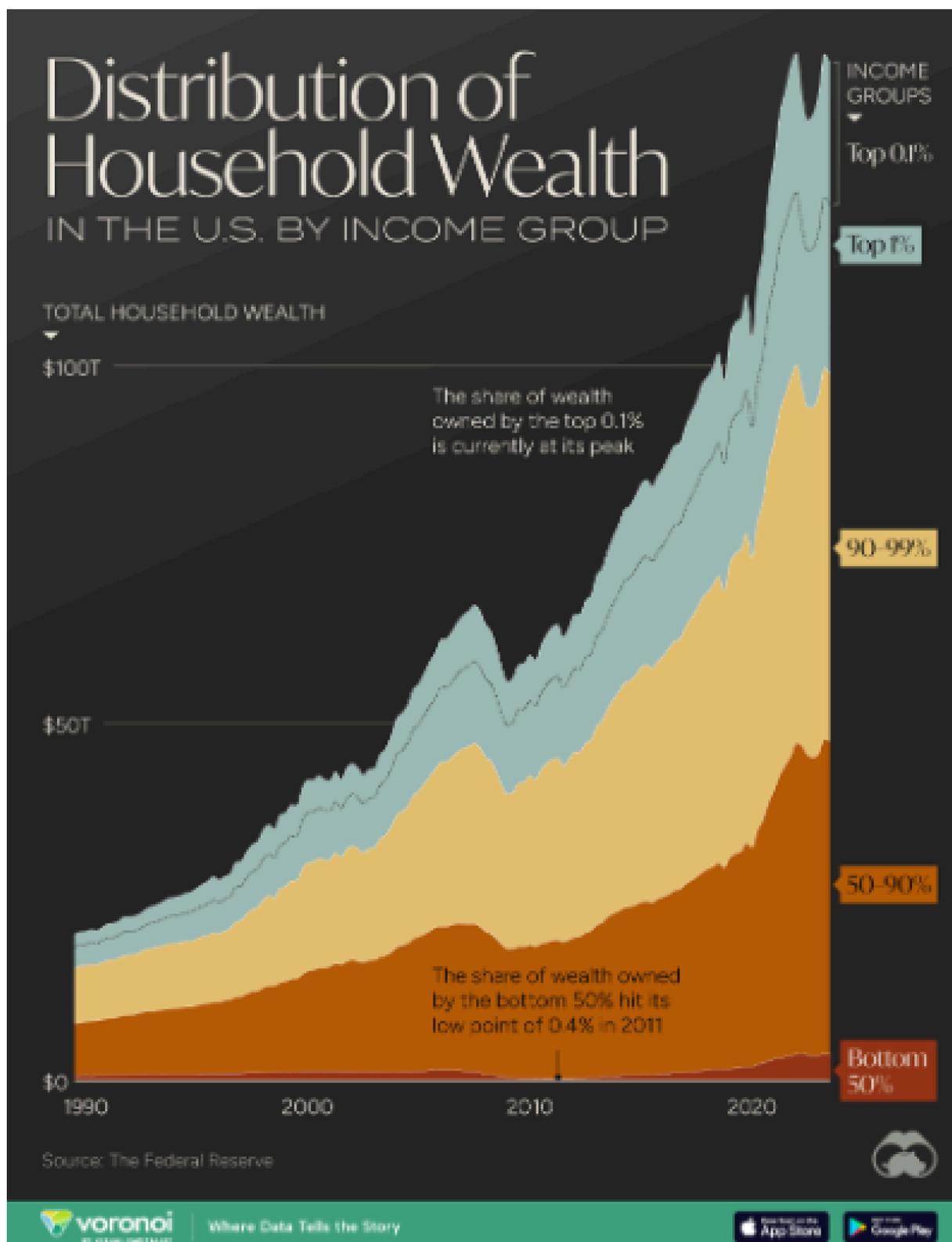
Развивающаяся экономика изначально была зависима от передачи технологий. Поэтому иностранным инвесторам приходилось (и часто до сих пор приходится) создавать совместные предприятия с китайскими компаниями для организации производств. Государство вложило значительные средства в транспортные сети, порты, скоростные поезда и энергоснабжение, чтобы укрепить промышленную конкурентоспособность.

Благодаря этой стратегии Китай превратился из производителя дешевых товаров широкого потребления в ведущего производителя высокотехнологичных компонентов, машин, автомобилей, ветряных турбин и, все в большей степени, полупроводников.

По данным ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию), в 2023 году доля Китая в мировом производстве и промышленном производстве составила 28,7 % — больше, чем США, Японии и Германии вместе взятых. Здесь вы найдете [ссылку](#) на отчет Всемирного банка за 2024 год.

Конкуренция систем

Финансово-империалистическая и колониалистская экономическая система пытается присвоить ресурсы остального мира и тем самым обеспечить себе жизнь «в долг» — что, надо признать, долгое время работало. Однако отход от реальной экономики и концентрация на богатой финансовой экономике приводят к значительным социальным потрясениям. Разрыв между богатыми и бедными (Уолл-стрит и Мэйн-стрит) увеличился до такой степени, что в долгосрочной перспективе он становится неприемлемым.

Источник: Федеральная резервная система - voronoi

Результатом стала оглушительная победа движения MAGA (Make America Great Again) («Вернём Америке былое величие») Дональда Трампа. Однако это вовсе не всерьёз встревожило политический истеблишмент США — ведь в их списке приоритетов состояние сограждан стоит очень далеко на заднем плане. Главное для них — сохранить власть и благодаря многочисленным материальным привилегиям, связанным с их должностями, кормить семьи и жить хорошо. Эта сторона недостатков описанной выше экономической системы правящим — или тем, кто

себя за таковых считает — на самом деле не мешает. Социальной революции в стране «неограниченных возможностей» вопреки мрачным предсказаниям «кассандр» не предвидится. «Огорчённые» (Deplorables) хоть и ругаются, но охотно «голосуют» за «альтернативу» — даже если она в итоге таковой не оказывается. Они просто снова безуспешно пытаются на следующих выборах. Чем хуже становится жизнь людей, тем больше они замыкаются в себе и пытаются как-то выжить. Карл Маркс и Фридрих Энгельс явно ошиблись со своей теорией обнищания, учитывая ход исторических событий.

По-настоящему тревожная проблема этой паразитической экономической системы заключается в том, что она ставит под угрозу собственное существование и существование хозяина, который ее питает, — либо потому, что хозяин не выдерживает нагрузки и рушится, либо потому, что он находит в себе силы избавиться от паразита.

Дефицит бюджета, присущий этой системе, и неизбежно сопутствующий ему дефицит внешнеторгового баланса являются симптомами болезни, которые сами по себе не приведут к краху системы, пока хозяин еще терпит паразита. Как мы показали в другой [статье](#), вассалы в настоящее время поддерживают паразитическую систему из-за отсутствия реальной альтернативы. Но время работает против финансовой империи, потому что реальный конкурент системы быстро набирает обороты.

Кирилл Александрович Дмитриев (родился 12 апреля 1975 года в Киеве) является генеральным директором Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) — государственного фонда России с капиталом около 10 миллиардов долларов США — и с февраля 2025 года — специальным представителем президента Путина по иностранным инвестициям и экономическому сотрудничеству. По его данным, за последние две недели страны БРИКС впервые достигли общего объема торговли в размере более 1 триллиона долларов США (источник: [AInvest](#)). Это подтвердил и президент Путин 20 июня 2025 года во время экономического форума в Санкт-Петербурге ([tass.com](#)).

Это подчеркивает успех укрепления экономического взаимодействия в рамках сообщества стран БРИКС, основанного на реальной экономике, в первую очередь России и Китая, а также их растущее глобальное значение. Что особенно беспокоит Запад, так это то, что все эти торговые потоки осуществляются в национальных валютах вне системы SWIFT. Ни Министерство финансов США, ни Федеральная резервная система, ни какая-либо другая западная экономическая управляющая

структура не имеет представления о том, что там происходит, и не может на это повлиять. Западные биржи с их ценовыми котировками не могут контролировать эту часть экономики.

Времена, когда доллар можно было использовать как оружие и средство шантажа, подходят к концу.

Возьмем, к примеру, девиз саммита БРИКС 2023 (Южная Африка): «БРИКС и Африка: партнерство для ускорения роста, устойчивого развития и инклюзивного многостороннего сотрудничества».

«Взаимно ускоренный рост» звучит скорее технократично. Но для населения стран БРИКС за этим стоит конкретное обещание и политический посыл. Это выражение стремления стран БРИКС развивать свою экономику не изолированно, а совместно, и того, что это сотрудничество должно принести пользу всем странам-членам за счет расширения торговли, инвестиций, передачи технологий и политического сотрудничества. Совместные инфраструктурные проекты, новые отрасли и торговые соглашения должны обеспечить экономический рост, от которого выиграет и местное население. Особенно для бедных регионов (например, в сельских районах Бразилии, в некоторых частях Индии или Африки) это обещание означает перспективу увеличения инвестиций и улучшения связи с мировыми рынками. Рост должен служить цели сокращения бедности и развития образования, здравоохранения и инфраструктуры.

Ещё Дж. Ф. Кеннеди понимал, что в условиях системного соперничества (тогда ещё существовала «красная угроза») выиграть можно только тогда, когда население обеспечено комфортной и безопасной жизнью и имеет голос, который действительно слышат. В противном случае правящая система со временем теряет поддержку своих планов, и люди обращаются к системе, которая больше соответствует их интересам.

13 марта 1961 года в своей речи на приеме в Белом доме для членов Конгресса и дипломатического корпуса латиноамериканских республик Кеннеди разработал план развития Южной Америки:

«Уровень жизни каждой американской семьи повысится, базовое образование станет доступным для всех, голод уйдет в прошлое, необходимость в массивной внешней помощи отпадет, большинство стран вступят в фазу самоподдерживающегося роста, и, хотя предстоит еще многое сделать, каждая (латиноамериканская) республика станет хозяйкой своей революции, своих надежд и своего прогресса».

Президент Кеннеди - 13 марта 1961 года

Уолл-стрит, ее бенефициары и экономические паразиты не следовали этой концепции, и теперь они получают по заслугам. Паразитам послано следующее: «Пока вы ведете себя как негодяи, мы будем работать как альтернатива вам, и ваша политика будет ускорять вашу изоляцию, а не устранять ее». Это развитие событий неизбежно, поскольку оно соответствует социальной природе человека.

Какие альтернативы есть у существующей системы с учётом этого?

Есть мнения, что администрация Трампа надеется, что Америка сможет создать монополию на Интернет, монополию на компьютеры, монополию на искусственный интеллект и монополию на производство компьютерных чипов, а с помощью доходов от монополии каким-то образом обратить вспять дефицит платежного баланса и восстановить мировую мощь.

Это всего лишь мечта, потому что для достижения технологического превосходства необходимы исследования и разработки, а финансовый сектор и компании, которые должны были бы развивать это технологическое преимущество, мыслят только краткосрочно и думают только о курсе своих акций. Финансовая структура американской экономики подрывает ее способность сохранять финансовую власть над миром, поскольку привела к деиндустриализации экономики США.

Кроме того, для реиндустриализации США не хватает самого первого и важнейшего ресурса: человеческого капитала. Система образования в этой стране ориентирована почти исключительно на финансовый сектор. Образовательная база реальной экономики находится в плачевном состоянии.

У американцев есть мудрое выражение: «Когда ты в яме, перестань копать!» Но с «Большим прекрасным законопроектом» администрация Трампа действует вопреки этому выражению. Этот закон просто приносит «больше старого»: он является реализацией Вашингтонского консенсуса внутри страны, который уже потерпел крах при Рональде Рейгане и Маргарет Тэтчер. Экономия для бедных и «облегчение» для богатых не приводят к росту, наоборот: продолжается финансовизация экономики и ускоряется деиндустриализация. Огромные долги на вооружение — это не инвестиции. Это выброшенные на ветер деньги для наименее продуктивной отрасли. Она производит металлолом, который скапливается на свалках, и тем самым снижает качество жизни.

Единственный способ для Соединенных Штатов стать платежеспособной экономикой — это отказаться от попыток господствовать над миром с помощью империи. Империи не окупаются. Это урок истории. Империи стоят больших денег,

и в конце концов имперская власть разоряется, как разорялась Великобритания со своей империей, а до нее — Римская империя.

Если Соединённые Штаты хотят избежать такой участи, им просто нужно стать обычной страной, как все. Они должны быть равноправны. Должна существовать паритетность между США и другими странами, где все следуют одним и тем же правилам. Но, как отмечает Майкл Хадсон, для Конгресса США это неприемлемо. Там до сих пор царит популистский национализм, который говорит: «Мы не хотим быть как все остальные. Мы не хотим жить по правилам, которым следуют другие страны. Мы хотим и дальше доминировать над другими странами, потому что боимся, что если другие страны станут дипломатически независимыми, они могут сделать что-то, что нам не понравится». Пока существует такое мышление, в итоге США встанут в оппозицию ко всему остальному миру и окажутся в изоляции, в то время как глобальное большинство упорно продолжит свой конструктивный, кооперативный путь к улучшению качества жизни.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ США Россия Китай Мексика Всемирный банк Казначейство США
Федеральная резервная система Советский Союз Си Цзиньпин Чжан Пэй
Организация Объединенных Наций по промышленному развитию
Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) Международный валютный фонд (МВФ)
Абт, Феликс Цзэдун, Мао Липпманн, Уолтер Хайек, Фридрих Август фон Рейган, Рональд
Тэтчер, Маргарет Уильямсон, Джон Фукуяма, Фрэнсис Ельзин, Борис Гайдар, Егор
Чубайс, Анатолий Дэн Сяопин Даокуи Ли, Дэвид Лист, Фридрих Дугин, Александр
Глазьев, Сергей Крупнов, Юрий Лин, Джастин Ифу Трамп, Дональд
Российская Федерация БРИКС Гарвардский институт международного развития (HIID)
Уолл-стрит MAGA Билицкий, Андрей Дмитриев, Кирилл Александрович
Дмитриев, Кирилл Александрович Кеннеди, Джон Ф.